

вать с натуры“).<sup>1</sup> Естественно предположить, что знакомство Оленина с Мусиным-Пушкиным возникло за несколько лет до переезда последнего из Петербурга в Москву (1799). Ряд обстоятельств благоприятствовал возникновению названного знакомства. После долголетней службы в армии и при дворе А. И. Мусин-Пушкин в 1791 году был назначен на видный пост обер-прокурора Синода. Приблизительно к этому же времени относится и начало его деятельности как археографа и коллекционера старинных рукописных книг. Что же касается Оленина, то в 1795 году, после длительного пребывания в „чужих краях“ и службы в артиллерии, он стал работать в гражданском ведомстве и начал свое быстрое продвижение по служебной иерархической лестнице. Служебная карьера молодого Оленина совершалась в сферах, тесно соприкасавшихся с административной деятельностью А. И. Мусина-Пушкина. В 1799 году Оленин был уже обер-прокурором III департамента Сената. Получив художественное образование и будучи медальером по специальности, А. Н. Оленин проявлял интерес и к деятельности Академии художеств, которой с 1794 года руководил А. И. Мусин-Пушкин. Последнего с Олениным сближала и совместная деятельность по Российской Академии, в члены которой А. Н. Оленин был избран в 1786 году, т. е. на три года ранее избрания в нее А. И. Мусина-Пушкина.

Перед тем как издать „Слово о полку Игореве“ А. И. Мусин-Пушкин, по собственному его признанию,<sup>2</sup> в течение нескольких лет „чрез старания свои и просьбы к знающим достаточно российский язык“ лицам трудился над совершенствованием перевода памятника. Подтверждение этого свидетельства А. И. Мусина-Пушкина мы находим и у А. С. Шишкова, который утверждал, что „над переводом одной (т. е. «Песни о походе Игоря», — Ф. П.) трудились многие и между прочим известный своими в языке и словесности знаниями г. Болтин“.<sup>3</sup>

Не следует забывать, что А. Н. Оленин был избран в Российскую Академию за представленное им „толкование многих военных русских старинных речений“ и что с тех пор на протяжении долгих лет, по собственным его словам, он „занимался объяснением многих обветшалых речений в словено-русском языке“.<sup>4</sup> Учитывая сложившуюся в кругах Российской Академии репутацию А. Н. Оленина как одного из немногих и лучших знатоков „военных русских старинных речений“, естественно думать, что при переводе трудных мест древней поэмы и в особенности ее воинской терминологии (стрикусы, шераширы, папорози и др.) А. И. Мусин-Пушкин должен был обратиться за помощью и советом также и к А. Н. Оленину.

Материалы, опубликованные в 1934 году в статье Н. Н. Зарубина „К вопросу о первом издании «Слова о полку Игореве»“, также наводят нас на мысль, что А. Н. Оленин принимал известное участие в этом издании. В 1933 году Н. Н. Зарубиным был обследован экземпляр первого издания „Слова“, входивший тогда в состав библиотеки

<sup>1</sup> ГПБ, арх. Олениных, письма А. И. Мусина-Пушкина к А. Н. Оленину.

<sup>2</sup> См.: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. VII—VIII.

<sup>3</sup> Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. XI. СПб., 1827, стр. 384.

<sup>4</sup> См. письмо А. Н. Оленина к С. С. Уварову от 15 февраля 1842 года (ГПБ, арх. Олениных, № 145).